

сятся только в слободы «коровницам благословения подать». Хорошую параллель к угрозе монахов «Калязинской челобитной»: «в руки возьмем посошки, да ступим по дорожки в ыной монастырь, а где пиво да вино найдем, тут и поживем. А когда тут допьем, в ыной монастырь пойдем, а с похмелья да с тоски да с третьей бродни да с великия кручины назад в Колязин пойдем и в житницах и в онбарех все пересмотрим» — дают челобитные монахов Вепревой пустыни на ее «строителей» 1680-х г.: «в той пустыне строители были часто переменные, пьющие, и братья была схожая и жили самовольственно не по монастырскому чину и иночеству, нили и бражничали, и церковь божия стояла у них без пения, и от того их самовольственного жительствова монастырь истоцился и раззорился... да те же строители и схожая братья пропився бродили по миру с иконами и деньги собирали обманом, будто на церковное строение, и те деньги пропивали на кабацех, и от того пьянства многие строители и старцы померли».¹

Память об этом монастыре и его пьющих монахах сохранилась в народной песне, записанной в окрестностях монастыря еще в 60-х годах XIX в., — видимо, репутация его за двести лет не изменилась:

Вечор девки пивоварничали,
 Пришел к девушкам незванный гость,
 Монах с пустыни Вепревой.
 Стали девки перешептываться,
 С глазу на глаз перемигиваться,
 Чем гостя потчивать.
 Коя в щеку, коя за косу,
 Через стол тащат, волоса трещат,
 Через скамью дали тасканину,
 А по полу дали топанину.
 А по сеничкам венничком метут,
 А по двору кубарем, кубарем,
 Подворотнею борзым кобелем,
 А по улице честным иноком.²

Если XVII век дает богатый исторический материал, подтверждающий глубокую правдивость изображения монастырских нравов в «Калязинской

¹ А. А. Титов. Успенская Вепрева пустынь, М., 1902, стр. 19—20.

² А. А. Титов. Успенская Вепрева пустынь, М., 1902, стр. 25. Та же песня, но без стиха «монах с пустыни Вепревой» записана во Владимирской и Костромской губ. — А. Смирнов. Песня крестьян Владимирск. и Костромск. губ., М., 1847, стр. 57.